

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 11

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2014

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Бузгалин – Цивилизационный подход и “провалы” марксизма: Человек и культура.....	3
А.И. Колганов – Цивилизационный подход и “белые пятна” марксизма: Восток, Запад и “рынок как общечеловеческая ценность”.....	14
А.Н. Ильин – Реклама как дискурсивная практика потребительского общества.....	25

Философия и наука

Памяти Александра Павловича Огурцова.....	36
В.Э. Девуцкий – Бесконечность или неопределенность?.....	41
В.Н. Порус – Методологические вызовы психологии (размышления о книге).....	52
В.Г. Горохов – Историческая эпистемология науки и техники (По материалам некоторых зарубежных изданий).....	63

Из истории отечественной философской мысли

Е.Н. Мотовникова – Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н.Н. Страхова.....	69
А.В. Черняев – Николай Бердяев. Реформатор без Реформации.....	79
М.С. Киселева – “Я” и история в философии Николая Бердяева.....	88
Ю.В. Синеекая – Вихревая антропология Николая Бердяева.....	100
Т.Г. Щедрина – “Ваше письмо... будто солнечный луч”. Письма Юрия Панебратцева Николаю Бердяеву.....	110

Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина, Н.Н. Летина, Л.П. Кнященко – Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры.....	126
---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	------------

История философии

И.Р. Тантлевский – Оптимизм Экклесиаста.....	137
А.Б. Ковельман, У. Гершович – Поэтика сокрытия: “Геэтет” и “Хагига”.....	149
Т.П. Лифинцева – Тень христианства в метафизике Ж.-П. Сартра.....	163

Из редакционной почты

Н.Г. Багдасарьян, М.П. Король – Наука как призвание и профессия: опыт современного прочтения М. Вебера.....	174
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	------------

Критика и библиография

К.Свасьян – В.Ю. Кузнецов. Взаимосвязь единства мира и единства культуры.....	181
А.П. Люсый – И.Е. Фадеева, В.А. Сулимов. Семиозис: субъективная антропология символической реальности.....	183
А.А. Ермичѳв – Б.В. Яковенко. История Великой русской революции: Февральско-мартовская революция и ее последствия.....	186
Наши авторы.....	189

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

**Э. Агацци (Италия), Ань Цинянь (Китай), А.А. Гусейнов (Россия),
А.Ф. Зотов (Россия), А.Н. Нысанбаев (Казахстан), Т.И. Ойзерман (Россия),
М.В. Попович (Украина), В.С. Степин (Россия), Ю. Хабермас (Германия),
Р. Харре (Великобритания)**

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**П.П. Гайденко, А.А. Гусейнов, В.К. Кантор, В.А. Лекторский,
В.Л. Макаров, В.В. Миронов, Н.В. Мотрошилова,
И.С. Разумовский (ответственный секретарь), А.М. Руткевич, В.С. Степин,
Н.Н. Трубникова (заместитель главного редактора), Т.В. Черниговская
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>**

Вихревая антропология Николая Бердяева

Ю. В. СИНЕОКАЯ

В статье рассматриваются истоки и основные положения философской антропологии Николая Бердяева. “Вихревая антропология” – экзистенциальный опыт, цель которого – раскрытие смысла жизни и творчества человека: “рождение в человеке Бога”. Важную роль в становлении концепции Бердяева сыграл его интерес к религиозным исканиям народа – духовному странничеству. Философ пережил “русский соблазн” поклонения сектантам, однако, признавал, что для религиозного творчества необходимо освобождение от сектантского духа, который ориентирует духовную энергию народа в ложном направлении – на изоляционизм. Бердяев-персоналист боролся с популизмом во всех его формах: от славянофильства и народничества до толстовства и символизма. Для Бердяева неприемлемо отрицание ценности личности и пренебрежение к культурной традиции. Автор статьи полемизирует со сторонниками новомодного тренда – причисления Бердяева к консервативному крылу отечественных религиозных мыслителей.

This article discusses sources and principal ideas of philosophical anthropology of Nikolay Berdyaev. “Vortex anthropology” is the existential experience, which purpose revealing the meaning of the life and creativity of the person: “the birth of God in the individual”. Interest of Berdyaev to religious searches of the people was important for his anthropological concept. The philosopher endured worship sectarians (“the Russian temptation”), but despite of this, he insisted that religious creativity requires release from sectarian spirit which focuses spiritual energy of the people on isolationism. Berdyaev criticized the Russian populism in all its forms: slavophilism, Tolstoyism and symbolism. Berdyaev fought against denial of values of the personality, neglect to cultural tradition, and uncreative nature of populism. The author of article argues with modern trend to rank Berdyaev to a conservative wing of Russian religious thinkers.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философская антропология, смысл творчества, феномен свободы, богоискательство, русское сектантство, консерватизм, популизм.

KEY WORDS: philosophical anthropology, sense of creativity, phenomenon of freedom, God-seeking, Russian sectarianism, conservatism, populism.

Последнее время имя Николая Александровича Бердяева снова входит в моду в России. Оно все чаще звучит не только с университетских кафедр и в академических дискуссиях, но и в СМИ. Такое уже случалось в нашей недавней истории.

С начала Перестройки имена религиозных и общественных мыслителей рубежа XIX–XX столетий стали играть роль лакмуса, определявшего политические симпатии тех, кто их цитировал, хотя зачастую обсуждаемый предмет был далек от идеологии и политики.

До распада коммунистической империи, в начале горбачевских демократических реформ, самым крупным духовным авторитетом России был Владимир Сергеевич Соловьев. Универсализм, присущий философу, его призывы к терпимости и проповедь единства средиземноморской культуры и цивилизации оказались как нельзя кстати во времена вхождения страны в единое мировое сообщество.

Вторым по популярности в это время может быть назван Николай Александрович Бердяев. Его знаменитые работы “Истоки и смысл русского коммунизма”, “Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX и начала XX веков” и “Смысл творчества: опыт оправдания человека”, с характерным для них поиском религиозной “правды коммунизма”, смягчали ломку социалистических ценностей и способствовали выходу страны из идеологического кризиса, самоопределению и раскрепощению людей. Ставшая в то время знаменитой фраза философа: “Кроме бесправного отвлеченного космополитизма и насильственного бесправного национализма может быть еще третья, идеалистическая точка зрения на национальность, полагающая национальный путь не в задаче государственности, а в самобытном, творческом осуществлении универсальных общечеловеческих начал” [Бердяев 1989^а, 41], – максимально полно выразила дух того периода в недавней истории страны.

После декларации независимости России в 1991 г. на передний план выдвинулась фигура Василия Васильевича Розанова. Его умеренный консерватизм и национализм, любовь к традиционности быта, сосредоточенность на повседневных проблемах человека, вопросы семьи и пола, воспевание домашнего уюта и маленькой родины – вместилища универсума, вкупе с лишь ему присущими интуицией слова и умением отразить мельчайшие состояния души, снискали автору “Уединенного” и “Опавших листьев” огромную популярность, не уменьшающуюся и сегодня.

Последующее самоопределение России в качестве суверенного государства и сопряженные с этим сложности определили появление в идеологическом пространстве страны двух антагонистических лагерей: либерально-антиимперского, выразителем идей которого стал Георгий Петрович Федотов, автор широко цитируемого сочинения “Судьбы империи”, и оппозиционного ему союзу имперско-этатистских сил, символом которого явился Иван Александрович Ильин – автор наиболее популярной в эти годы работы “Чем угрожает миру распад России”. Имя знаменитого историка философии Ивана Ильина, написавшего лучшее в России исследование о Гегеле, в общественных кругах и сегодня ассоциируется, прежде всего, с патриотически-государственной идеологией, а также рассматривается как символ нынешней эпохи правления. Случилось это во многом благодаря тому, что Президент России Владимир Путин назвал Ильина своим любимым мыслителем.

Но к началу XXI в. стало ясно, что учения мыслителей рубежа XIX–XX столетий, сохраняя прежнюю популярность и звуча на публичных собраниях, так и не ожили в своих преемниках. Новый миф России, из которого могли бы вырасти идеология и философия нашего времени, не был рожден. Личное сознание замкнулось в себе, став монадологичным, обрекая человека на жизнь из себя, для себя, ради себя одного. Потребность в общении, коммуникации – перестала быть основополагающей. Имитируя ушедшее, нельзя восстановить жизненную связь времен, нельзя вернуться к истокам иначе, как лишь феноменальным, но никак не сущностным образом. Необходимы новые синтезирующие идеи, которым было бы под силу объединить столь разнородное российское общество.

Сегодня очевиден новый тренд в употреблении имени Николая Бердяева. Его стали причислять к консервативному крылу отечественных религиозных и общественных деятелей. Так, например, 13 февраля нынешнего года в РБК Daily я увидела информацию о том, что в здании Администрации президента на Старой площади пройдет серия семинаров “Идеология консерватизма и консервативная политика: отечественный и зарубежный опыт”, на которых высокопоставленным чиновникам будут рассказывать

о родоначальниках российского консерватизма, в частности, познакомят с творчеством философов Ильина, Тихомирова, Данилевского, митр. Филарета, Бердяева и Победоносцева.

Меня этот перечень озадачил. На мой взгляд, имя Николая Бердяева не вписывается в этот ряд. Консерватизм – это приверженность традиционным ценностям и порядкам, социальным или религиозным доктринам. Философский путь Бердяева строился не по этой формуле. Приведу красноречивую цитату из статьи Николая Бердяева “Темное вино” (1915): “Для России представляет большую опасность увлечение органически-народными идеалами, идеализацией старой русской стихийности, старого русского уклада народной жизни, упоенного натуральными свойствами русского характера. Такая идеализация имеет фатальный уклон в сторону реакционного мракобесия. Мистике народной стихии должна быть противопоставлена мистика духа, проходящего через культуру” [Бердяев 1990^b, 54].

К 140-летнему юбилею Николая Александровича Бердяева (18 марта 2014 г.) две центральные отечественные газеты “Известия” и “Независимая Газета” опубликовали объемные статьи, посвященные творчеству философа.

Профессор кафедры истории русской философии МГУ Василий Ванчугов в очерке “Духовная глубина консерватизма” (“Известия”) цитирует популярное сегодня сочинение Николая Бердяева “Философия неравенства”: “Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию” [Ванчугов 2014 web, 4]. Автор статьи подчеркивает, что определение, данное Бердяевым консерватизму, в нынешних реалиях вполне может быть в равной степени пригодно для полемики как оппозиционерам, так и государственным. “Впрочем, – констатирует Василий Ванчугов, – государственников ожидает разочарование, если они полагают найти у Бердяева политический консерватизм, выковыривая, словно изюм из булки, из пятого письма “О консерватизме” отдельные словосочетания, принимая их за формулы, указывающие действия” [Ванчугов 2014 web, 4]. Говоря о консерватизме, Бердяев ведет речь не о лозунге для политической борьбы, не о политическом направлении или политической партии, а об одном из вечных религиозных и онтологических начал общества. Те, кто надеются обрести в лице Бердяева идеолога консерватизма, – уверен профессор МГУ, – захотят отложить его книги, а тех из них, кто все-таки прочтет работы Бердяева, ждет разочарование. Василий Ванчугов подчеркивает, что политическая философия Бердяева бесполезна для повседневной политики, поскольку философ “проверяет все способы достижения целей в свете абсолютной ценности личности, и отбрасывает всё то, что отвечает лишь политической целесообразности” [Ванчугов 2014 web, 4].

Исследователю из МГУ торит заведующий сектором русской философии Института философии РАН Анатолий Черняев. В статье “Проповедник теократической революции против государственной Церкви” (“Независимая газета”) он приходит к радикальному заключению о том, что Николай Бердяев всю жизнь оставался революционером, видя свое призвание в проповеди революции духа: “Да, Бердяев не изменил юношеским убеждениям, остался революционером на всю жизнь – недаром в одном из писем он признавался, что его “вечный возраст” – это юность” [Черняев 2014 web, 6].

Мне представляется важным обозначить истоки и суть центральной для философии Николая Бердяева концепции, названной мною “вихревой антропологией”. Этот термин принадлежит самому Бердяеву и взят из его работы “Миросозерцание Достоевского”. Как это часто случается в культуре, описывая внешний феномен, автор дает ключ к пониманию собственного творчества. На мой взгляд, термин “вихревая антропология” весьма удачен для характеристики философской антропологии самого Николая Бердяева.

Объясняя специфику психологизма Достоевского характерным для писателя методом “дионисического искусства”, Николай Бердяев видит в “исступленном вихре” и “экстатически-огненной атмосфере” произведений Достоевского доступ к познанию экзистенциальной тайны человеческой природы, пониманию феномена свободы. В антропологии Достоевского, утверждает Бердяев, нет ничего статического, ничего застывшего,

окаменевшего, все в ней динамично, все движется, подобно потоку раскаленной лавы. В творчестве Достоевского Бердяев интересуется, прежде всего, судьба человека в свободе, доходящей до своеволия: “Достоевский берет человека отпущенным на свободу, вышедшим из-под закона, выпавшим из космического порядка и исследует судьбу его на свободе, открывает неотвратимые результаты путей свободы... Вот где обнаруживается человеческая природа. Подзаконное существование человека на твердой земной почве не раскрывает тайн человеческой природы. Достоевский особенно заинтересовывается судьбой человека в момент, когда он восстал против объективного миропорядка, оторвался от природы, от органических корней и объявил своеволие” [Бердяев 1989^а, 39]. Бердяев высоко ценит прозрения Достоевского об обретении человеком свободы как творческого откровения о рождении Бога в самом человеке.

Для анализа специфики “вихревой антропологии” Николая Бердяева воспользуемся методом “от противного”. Одной из любимых метафор в рассуждениях философа об антиномичности русской культуры, о взлетах русского духа и его катастрофах выступает “странническая, взыскующая Града Русь” – русское сектантство. “Россия – фантастическая страна духовного опьянения. Страна хлыстов, самосожигателей, духоборов... страна самозванцев и пугачевщины”, – увлеченно писал Бердяев в “Душе России” [Бердяев 1990^а, 13]. Это дало основание его современникам (З.Н. Гиппиус, В.В. Розанову, В.В. Зеньковскому) искать ключ к философии Бердяева именно в его увлечении сектантством [Эткинд 1998, 243].

Очевидно, что сопоставление и даже отождествление явлений высокой интеллектуальной жизни в России с русскими сектами – важный аспект историософии Николая Бердяева. Философ пристально вглядывался в “бродячую Русь”, чуждую бытовой религиозности, однако поглощенную вопросами веры и праведной жизни. “К страннической Руси принадлежат не только люди из ”народа”, крестьяне, но из всех слоев русского общества, начиная с самого верхнего слоя, почувствовавшие невозможность дальше жить в неправде и безбожности мировой жизни, – писал Николай Бердяев в работе “Духовное христианство и сектантство в России”, – моральный пафос очень силен в этом типе Духовной жизни, но моральная проблема берется тут не на поверхности личной и общественной жизни, а в религиозной глубине” [Бердяев 1989^с, III, 447].

Николай Бердяев живо интересовался сектами, причем его знание о религиозных исканиях народа не было, да и не могло быть лишь книжным, ведь богоискатели из народа не пишут книг.

Философ не слишком высоко ценил имевшуюся литературу о русском сектантстве, видя ее изъян в идеологической ангажированности и поверхностности. В большинстве публикаций о богоискателях изобличались ереси. Либеральная же литература была сосредоточена на защите сектантства в правовом и политическом отношении. Феномен “искателей божьей правды” как при одном, так и при другом подходе рассматривался с общественной, а не с религиозной точки зрения, что не привлекало Бердяева. В центре его внимания – творческая религиозная жизнь народа.

Сектанты-общинники, ведшие оседлый образ жизни, не так сильно интересовали Бердяева, как странники-бегуны, в которых он первым увидел аллегорическое воплощение судеб русской интеллигенции и русской иммиграции: “Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник – свободен от “мира” и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции. И здесь мы знаем странников, свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищущих невидимого града” [Бердяев 1990^а, 12].

Бердяев подчеркивал, что русской душе не сидится на месте: “это не мещанская душа, не местная душа”. Он причислял к духовным странникам – скитальцам русской земли – мудреца из народа Сковороду, Вл. Соловьева, Лермонтова, Гоголя, Толстого

и Достоевского, а также русских анархистов и революционеров, стремящихся к абсолютному смыслу, выходящему за грани размеренной, повседневной, поглощенной бытом жизни.

Бердяеву удалось выявить религиозное мироощущение странников-богоискателей из народа, уловить духовный тип этих людей, каждый из которых имел свою собственную систему полного и окончательного спасения мира. “Один видел спасение мира в том, чтобы совершенно отрицать добро и зло, из пожирающей жажды добра отрицал он существование зла и видел падение в возникновении самого различия между добром и злом. Другой видел спасение в том, чтобы ”завернуться в мгновении”, выйти из времени, победить прошлое и будущее. Третий видел спасение в одном непротивлении и ничего, кроме непротивления не хотел видеть и знать. Четвертый имел свое собственное, им впервые открытое учение о Христе и лишь с ним связывал спасение мира. И для всех очень характерно нежелание знать мировую преемственность, связать себя с опытом и мыслию человечества” [Бердяев 1989⁹ III, 449].

Пережив соблазн ухода к сектантам, слияния с ними, Николай Бердяев высоко ценил русских искателей Божьей правды: “знаю твердо, – свидетельствовал философ, – что Россия немыслима без этих людей, что без них душа России лишилась бы самых характерных, существенных и ценных своих черт” [Бердяев 1989⁹ III, 447]. Личный опыт Бердяева двояк: философ общался как с сельскими сектантами, так и с московскими богоискателями.

Несколько лет подряд Бердяев проводил летние месяцы в деревне в Харьковской губернии, по соседству с духовным центром, созданным братьями толстовцем и теософом Шеерман. Через этот центр постоянно проходили искатели Бога со всех концов России. Тут останавливались и подолгу жили сектанты всех мастей: склоняющиеся к мистике толстовцы, добрилюбовцы, свободные искатели божьей правды, духовные христиане, свободные христиане, постники.

С городскими же сектантами философ много беседовал на собраниях, регулярно проводившихся в двух знаменитых своими воскресными диспутами московских трактирах Чуева, называвшихся “Яма”. (Один из них был расположен неподалеку от церкви Флора и Лавра, другой – в начале улицы Рождественки.)

Бердяев вспоминал в “Русской идее”: “Мне посчастливилось приблизительно около 10-го года этого столетия (XX столетия. – Ю.С.) прийти в личное соприкосновение с бродячей Русью, ищущей Бога и Божьей правды. Я могу говорить об этом характерном для России явлении не по книгам, а по личным впечатлениям. Могу сказать – что это одно из самых сильных впечатлений моей жизни. В Москве, около церкви Флора и Лавра, одно время каждое воскресенье происходили народные религиозные собеседования... На этих собраниях, носивших народный стиль уже по замечательному русскому языку, присутствовали представители самых разнообразных сект... Я бывал на этих собраниях и принимал активное участие в собеседованиях. Меня поражали напряженность духовного искания, захваченности одной какой-нибудь идеей, искание правды жизни, а иногда и глубокомысленный гнозис” [Бердяев 2008, 173–174]. В “Самопознании”, написанном шестью годами раньше “Русской идеи”, Бердяев, описывая опыт общения в “Яме”, был более эмоционален: “В известный год моей жизни, который я считаю счастливым, я пришел в соприкосновение... с новой для меня средой народных богоискателей... В то время в московском трактире... происходили по воскресеньям народные религиозные собеседования разного рода сектантов... Я принял очень активное участие в религиозных спорах и с некоторыми сектантами вступил в личное общение... В общем беседа стояла на довольно высоком уровне... Для изучения русского народа эти собрания были неоценимыми. Некоторые из сектантов были настоящими народными гностиками... Мотивы дуалистические соответствовали чему-то во мне самом. Но я очень спорил против сектантского духа” [Бердяев 1990⁶, 186].

По свидетельству жены Бердяева Лидии Юдифовны, Николай Александрович нередко повторял, что в интеллигентских салонах Москвы и Петербурга никто не понимал его так глубоко и верно, как понимали его в “Яме” [Дональд 1960, 127]. Частыми

совопросниками Бердяева в “Яме” бывали и другие интеллектуалы, завсегдаи воскресных встреч, например, Петр Боборыкин и Сергей Булгаков.

Избавиться от “зачарованности сектантством” (термин Марины Цветаевой) философу было чрезвычайно трудно. Бердяев признавался, что “в народной сектантской стихии есть темное вино, есть что-то пьянящее и оргийное и кто отведал этого вина, тому трудно уйти из атмосферы, им создаваемой” [Бердяев 1990^b, 51].

Существенно, что лобование русским народом никогда не носило у Бердяева апологетического характера. “Сектантство – двойственно, оно религиозно революционно и реакционно, обращено вперед и назад, динамично и статично, мистично и моралистично, стихийно и рассудочно”, – писал философ в работе “Духовное христианство и сектантство в России” [Бердяев 1989^c III, 445]. Рассказывая об отдельных сектах в их исторической реальности, Бердяев оставался критичен и строг. Мистик Бердяев понимал происходящее в России на редкость рационально, несмотря на то, что он сам пережил “русский соблазн” поклонения сектантам.

Для Бердяева было абсолютно неприемлемо в сектантстве радикальное отрицание культуры, изоляционизм, отсутствие открытости миру. Всякое сектантство для него противоположно “универсальному духу”, поскольку сектантской атмосфере чужды не только культурная традиция и ценность творчества, но и духовная соборность. Замкнутость в своей собственной правде как единственной, обрекает учения сектантов на оторванность от мировой мысли и от исторических путей культуры, что неизбежно ведет к их упрощению и примитивизации.

Важнейшим пороком сектантства Бердяев считал также и отсутствие в нем религиозного динамизма: “Религиозное творчество не есть отрицание старых святынь, их переделка и замена новым, – оно связано с новыми религиозными темами и новыми открытиями. Но в сектантстве никогда не бывает новых откровений, оно всегда занято переделкой старых откровений по одной какой-нибудь дробной, частичной истине, воспринятой как целое. Сектанты обычно хотят вернуться назад, к какой-то утерянной первоначальной чистоте, а не идти вперед” [Бердяев 1989^c III, 445]. Бердяев доказывает статичность сектантства тем, что оно ориентировано на ушедшее, на поиск утерянной первоначальной чистоты, а не на творческое созидание нового. Философ не устает повторять, что возврат к первоначальному христианству ни в каком смысле невозможен и нежелателен, как невозможен и нежелателен возврат к первоначальной природе.

В отличие от других отечественных интеллектуалов, Бердяев говорил о народе (в подавляющем большинстве случаев у Бердяева слова “народ” и “сектант” или “хлыст” синонимы) не только в мистических или эстетических терминах, но и как о политическом феномене – сосредоточии реакции: “Реакция всегда у нас есть оргия, лишь внешне прикрытая бюрократией... Всякая опьяненность первозданной стихией русской земли имеет хлыстовский уклон... Как бы далеко ни заходило просветление и подчинение культуре русской земли, всегда остается осадок, с которым ничего нельзя поделать. В народной жизни эта особенная стихия нашла себе яркое, я бы даже сказал, гениальное проявление в хлыстовстве” [Бердяев 1990^b, 52].

В русской политической жизни, в русской государственности, по мнению Бердяева, также скрыто темное иррациональное начало, опрокидывающее все теории политического рационализма. Действие этого иррационального начала создает непредвиденное в нашей политике, превращает русскую историю в “фантастику”, в “неправдоподобный роман”.

“Эта темная русская стихия реакционна в самом глубоком смысле слова. В ней есть вечные мистические реакции против всякой культуры, против личного начала, против прав и достоинства личности, против всяких ценностей. Эта погруженность в стихию русской земли, эта опьяненность стихией, оргийное ее переживание не совместимы ни с какой культурой ценностей, ни с каким самосознанием личности. Тут антагонизм непримиримый. Всякое идеализирование нередко у нас принимает форму упоенности русским бытом, теплом самой русской грязи и сопровождается враждой ко всякому восхождению” [Бердяев 1990^b, 53].

Самое опасное время наступает тогда, когда народное, хлыстовское опьянение русской земли доходит до самой вершины русской жизни. Это состояние Бердяев называет “хлыстовством самой власти” – состояние, когда темная иррациональность в низах народной жизни соблазняет и засасывает вершину.

Бердяев подчеркивал, что народ не до конца поддается просвещению; что есть в нем неразстворимый в культуре “осадок”, некая “непросветленная и не поддающаяся просветлению стихия”. Но, в отличие от многих, он относится к этому умозаключению с трагизмом. Философу был чужд народнический восторг перед саморазрушением.

Николай Бердяев – непревзойденный в русской политической философии критик популизма. В знаменитой работе “Русский соблазн” философ прямо называл народничество “хронической болезнью, препятствующей творческому возрождению России”. Он боролся с российским популизмом во всех его формах: от славянофильства до толстовства и символизма. “Дух народничества неискоренимо присущ русским. Нет страны, в которой был бы такой культ “народа”, как у нас, такая надежда от народа получить истину, такая жажда слияния с народом... Народничество являлось у нас в разных одеяниях, постоянно перевоплощалось: то в форме славянофильства, то в форме “народничества” в собственном смысле этого слова, то в форме толстовства, оно прокралось даже в русский марксизм, а ныне принимает форму явно мистическую. Мистическое народничество – глубочайшее устремление русского национального духа” [Бердяев 1989, 3, 419]. Всем этим идеологиям Бердяев противопоставил свой персонализм: “Народное не вне меня, не в мужике, а во мне...”.

Бердяеву удалось преодолеть циклическую конструкцию, с помощью которой русские интеллектуалы вкладывали собственные идеи в “народ”, а потом доказывали “народом” свои новые рассуждения. Философ развенчал наивно-оптимистическое поклонение перед “народом-стихийей”, “народом-природой”, перенятое от Руссо народниками и символистами.

Николай Бердяев не раз подчеркивал, что столь чаемое им религиозное возрождение может быть лишь всенародным. Но народность, утверждает философ, есть качество, а не количество. Глубина духовной жизни народа заключена в избранных личностях, а не в массе, не в народном быте, который всегда есть лишь периферия. Разрыв с родовым бытом, разоблачение лжи и неправды жизни и поиск ее смысла совершается как вверх, так и вниз социальной иерархии. Признавая духовное странничество величайшим явлением русского духа, Бердяев делал акцент на том, что для наступления подлинного религиозного возрождения, для начала религиозного творчества, необходимо освобождение от сектантского духа, который ориентирует духовную энергию народа в ложном направлении – на изоляционизм.

Одновременно Николай Бердяев не принимал и другие формы поклонения народной стихии – эллинский дионисизм Вячеслава Иванова и мистический анархизм Георгия Чулкова, поскольку в дионисийской оргиастичности, также как и в русском сектантстве, теряется, растворяется индивидуальность, а также очевидно пренебрежение к культуре.

Как глубокий мыслитель Бердяев был далек от того, чтобы делить мир на белое и черное, видеть в каком-либо экзистенциальном феномене абсолютное зло или абсолютное добро. Он подчеркивает антиномичность русской культуры и антиномичность народа. Природа человека и природа вообще никогда не может быть до конца рационализирована. В иррациональном остатке – источник жизни. Но жизнь трагична. Иррациональность в человеке и хлыстовство в русском народе являют собой и корень зла, и залог лучшего будущего. Бердяев признает внутреннюю антиномичность условием человеческой свободы.

“Вихревой антропологией” я называю учение Николая Бердяева о человеке-творце. Философ восстает против подмены проблемы человека проблемой субъекта, трансцендентального сознания, проблемой души, психологического сознания, проблемой духа или даже проблемой идеальных ценностей Добра, Истины и Красоты. “Философская антропология должна быть основной философской дисциплиной, – писал Бердяев в книге “О назначении человека. Опыт парадоксальной этики”, – освобождение философии от

всякого антропологизма есть умерщвление философии” [Бердяев 1989^б, 24]. Антропологическая природа философии обусловлена тем, что человек являет собой свидетельство о существовании высшего мира. Прорыв к бытию возможен только через человека – существо, принципиально необъяснимое из мира.

Цель антропологии Бердяев видел в том, чтобы “исследовать человека из человека и в человеке”. Личность не может выступать в качестве объекта для философии, основной признак которой как раз в том и состоит, что в ней нет объекта познания. Познавать из человека и в человеке и означает, по Бердяеву, НЕ объективировать. “Смысл открывается лишь тогда, когда я в себе, т.е. в духе, и когда нет для меня объектности, предметности. Все, что есть для меня предмет, лишено смысла. Смысл есть лишь в том, что во мне и со мной, т.е. в духовном мире” [Бердяев 1989^б, 29]. Когда познающий человек рассматривается вне бытия, а познаваемое бытие вне человека, все превращается в объект, становится отчужденным, противостоящим личности. Мир философских идей перестает быть собственным внутренним миром, делается миром, чуждым человеку. Новая антропология Бердяева – альтернатива отчужденному, объективированному знанию. Она отлична как от антропологии святоотеческой и схоластической, так и от антропологии гуманистической, поскольку обоснована натуралистически. Главная проблема религиозной антропологии Бердяева – проблема творчества.

Человеческое творчество – процесс раскрытия бесконечного в человеке, трансцендентирования человеком себя, выхода за границу имманентной действительности, прорыв свободы через необходимость. В опыте творчества преодолевается подавленность, раздвоенность, поработченность внешним, по отношению к человеку, миром. Человек нацелен на рождение в себе Бога, также как Бог ждет рождения в Себе человека.

Бердяев подчеркивал, что его оригинальная философская мысль впервые выражена в книге “Смысл творчества. Опыт оправдания человека”. Это сочинение он считал наиболее вдохновенным своим произведением, в котором изложена основная тема его жизни: “первородная интуиция о человеке”.

Путь Бердяева к “Смыслу творчества” начинался в пору его увлечения народным богоискательством, сектантством. В 1910 г. в “Русской мысли” была опубликована статья “Христос и мир”, представляющая собой текст доклада, прочитанного на заседании Петербургского философского общества. Здесь впервые Бердяев поднял тему природы творчества. Ключевая идея статьи состоит в том, что оправдание религиозной истории и культуры означает оправдание “трансцендентной жажды по иному миру”, которая представляет собой отражение творчества.

Под творчеством Николай Бердяев понимал не создание культурных продуктов, а потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию. В письме к Владимиру Эрну Бердяев объяснял: “То, что я Вам писал и в разное время говорил о творчестве, то я говорил не о “науках и искусствах”, не о творчестве в “культурном смысле”, не о личностных дарах каждого из нас, а о новой религиозной эпохе, об ином религиозном сознании и жизненной морали” [Взыскующие града 1997, 461].

Одновременно, в 1910 г. вышел очерк “Духовный кризис интеллигенции” – свидетельство освобождения Бердяева от иллюзий об интеллигенции как будущей “религиозной общественности”.

Следующий кризис ожиданий был связан для философа с разочарованием в антропософии и оккультизме, которыми он серьезно увлекался в течение ряда лет. В письме к Вячеславу Иванову Бердяев признавался: “В моей природе есть что-то антихристианское, но вся кровь моя пропитана христианской мистерией. Я – еретик, но в тысячу раз более христианин, чем Вы – “ортодокс”” [Взыскующие града 1997, 618].

Свою позитивную “вихревую антропологию” Николай Бердяев выводит из личного мистического откровения и философской интуиции. В числе существенных источников своей концепции он называет также опыт, изложенный в романах Андрея Белого и Достоевского. У Белого Бердяев ценит прежде всего художественное воспроизведение народной стихии, у Достоевского – описание мистической стихии в жизни интеллигенции.

Философ подчеркивает, что Белый нашел народный субстрат для тех страстей, которые Достоевский описывал в жизни высших классов. «Удивительный и неожиданный роман А. Белого "Серебряный голубь" дает повод по-новому поставить вековечную русскую тему об отношении интеллигенции и народа, – писал Бердяев в работе "Русский соблазн". – У А. Белого тема эта погружена в мистическую стихию России и тем самым углублена, перенесена в иную плоскость... Роман А. Белого поражает глубоким чувством России, глубоким проникновением в народную жизнь. В нем нет никакой ложной идеализации народа. Нет народнической слащавости. А. Белый что-то новое почуял в русской стихии, в русской народной жизни, какую-то жуткую страсть, скрытую от русской литературы народнической полосы. Эта жуткая страсть, сладострастие томящегося духа, таится не только в русском мистическом сектантстве, но и вообще в русской народной стихии" [Бердяев 1989^г III, 413].

Достоевский, напротив, никогда не описывал стихию народных сект, сектантские ритуалы. Кружения-радения воплощены у Достоевского в поэтике текстов. Вихрь кружений, описанных в тексте Белого, использовался Бердяевым для понимания скрытых механизмов, по которым работает текст Достоевского. Опираясь на Белого и Достоевского, Бердяев конструировал свою новую мистическую науку о человеке. Высшее состояние человека, мистику персонального творчества Бердяев выводит из действия иступленных, экстатических, вихревых стихий. Творческое могущество – плод соприкосновения с вихрем. «В глубину всегда вовлекается иступленный, экстатический вихрь. Вихрь этот есть метод антропологических открытий... Доступ к этой науке возможен лишь для тех, кто будет вовлечен в вихрь» [Бердяев 1989^а, 39].

Вихревой экстаз как метод и система и как метафора важен для новой религиозной антропологии Бердяева, в нем залог индивидуализации и итог оправдания человека, он и есть путь обретения смысла творчества. Человек может оправдать себя только творчеством, которое является не правом или требованием человека к себе самому, а требованием Бога к человеку и обязанностью человека. Творчество, утверждает Бердяев, – это сокрытая воля Бога. «Творчество противоположно эгоцентризму, оно есть забвение о себе, устремленность к тому, что выше меня. Это обращенность к преображению мира. Творец одинок и творчество носит не коллективно-общий, а индивидуально-личный характер. Но творческий акт направлен к тому, что имеет общечеловеческий социальный характер. Творчество – это выход из себя в свободу» [Бердяев 1989^а, 200].

Свобода зависит от Божественной благодати и утверждается для того, чтобы установить ответственность человека перед Богом, она открывается в мистическом акте религиозно ориентированной личности. Религиозный смысл творчества – созидание, которого Бог ждет от человека, как обогащения самой божественной жизни. Идея творчества – не откровение Бога, а сокровение Бога, это то, что Бог не открывает прямо человеку, а ждет, чтобы человек сам совершил это откровение.

Творческая деятельность, о которой Бердяев пишет, как об обязательстве человека быть полезным Богу – богопознание. Человек не может не творить, иначе он будет бесполезен, не принесет «прибытка» Божеству.

Человечество обречено на долгий тернистый путь творения культуры и цивилизации, но это творчество символическое, дающее лишь знаки реального преображения. Реалистическое творчество представляет собой преображение мира, оно эсхатологично, обращено к концу мира.

Вихревая антропология Бердяева – экзистенциальный опыт исследования человеческой природы в ее бездонности, безграничности, свободе. Это духовный эксперимент творческого созидания, осуществляемый погружением в таинственную глубину человеческой природы через экстатическое иступление.

Существенно, что в вихревом экстазе, о котором говорит Бердяев, личность не затеряна в стихии, его цель – раскрытие смысла жизни человека, смысла его творчества, осуществление последней человеческой тайны – рождении в человеке Бога.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев 1989^а – *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, 1989.
- Бердяев 1989^б – *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж. УМСА-Press, 1989.
- Бердяев 1989^в – *Бердяев Н.А.* О творчестве национального духа // Декоративное искусство СССР. 1989. № 3.
- Бердяев 1989^г – *Бердяев Н.А.* Русский соблазн / *Бердяев Н.А.* Собр. соч. в 4 т. Париж. УМСА-Press, 1989.
- Бердяев 1989^д – *Бердяев Н.А.* Смысл творчества: опыт оправдания человека. М., Правда, 1989.
- Бердяев 1989^е – *Бердяев Н.А.* Духовное христианство и сектантство в России / *Бердяев Н.А.* Собр. соч. в 4 т. Париж. УМСА-Press, 1989.
- Бердяев 1990^а – *Бердяев Н.А.* Душа России. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Бердяев 1990^б – *Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: ДЭМ, 1990.
- Бердяев 1990^в – *Бердяев Н.А.* Темное вино. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Бердяев 2008 – *Бердяев Н.А.* Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). СПб.: Азбука-классика, 2008.
- Ванчугов 2014 web – *Ванчугов В.В.* Духовная глубина консерватизма// Известия, 18 марта (<http://top.rbc.ru/politics/13/02/2014/904847.shtml>).
- Взыскующие града 1997 – Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и комм. В. И. Кейдана. Москва, Школа "Языки русской культуры", 1997.
- Дональд 1960 – *Donald A.* Rebellious Prophet. A Life of Nikolai Berdyaev. New York: Harper, 1960.
- Черняев 2014 web – *Черняев А.В.* Проповедник теократической революции против государственной Церкви// Независимая Газета, 18 марта (http://www.ng.ru/ng_religii/2014-03-19/5_berdiaev.html).
- Эткинд 1998 – *Эткинд А.Л.* Хлыст: секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Наши авторы

- БУЗГАЛИН**
Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- КОЛГАНОВ**
Андрей Иванович – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- ИЛЬИН**
Алексей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Омского государственного педагогического университета
- ДЕВУЦКИЙ**
Владислав Эдуардович – доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки Воронежской государственной академии искусств, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
- ПОРУС**
Владимир Натанович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики
- ГОРОХОВ**
Виталий Георгиевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН
- МОТОВНИКОВА**
Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ “БелГУ”)
- ЧЕРНЯЕВ**
Анатолий Владимирович – кандидат философских наук, заведующий сектором истории русской философии Института философии РАН
- КИСЕЛЕВА**
Марина Сергеевна – доктор философских наук, заведующая сектором Института философии РАН
- СИНЕОКАЯ**
Юлия Вадимовна – доктор философских наук, профессор, зав. сектором истории западной философии Института философии РАН
- ЩЕДРИНА**
Татьяна Геннадиевна – доктор философских наук, доцент Московского педагогического государственного университета
- ЗЛОТНИКОВА**
Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, директор НОЦ “Культуроцентричность научно-образовательной деятельности”, заслуженный деятель науки РФ

- ЕРОХИНА
Татьяна Иосифовна – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; проректор по учебной работе Ярославского государственного театрального института
- ЛЕТИНА
Наталья Николаевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского
- КИЯЩЕНКО
Лариса Павловна – доктор философских наук, зам. начальника Управления "Общественные науки" РГНФ, ведущий научный сотрудник Института философии РАН
- ТАНТЛЕВСКИЙ
Игорь Романович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета
- КОВЕЛЬМАН
Аркадий Бенционович – профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой иудаики ИСАА Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- ГЕРШОВИЧ
Ури – доктор философии, директор исследовательского центра Еврейского музея и Центра Толерантности в Москве, лектор Центра Чейза Еврейского университета Иерусалима
- ЛИФИНЦЕВА
Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии отделения философии НИУ ВШЭ

CONTENTS

A.V. BUZGALIN. Civilization Approach and Failures of Marxism: Man and Culture.
A.I. KOLGANOV. Civilization Approach and White Spots of Marxism: East, West and Market
as a Universal Value. A.N. ILIIN Advertising as Discursive Practice of Consuming Society.
IN MEMORY OF OGURTSOV. V.E. DEVUTSKY. Infinity or Uncertainty? V.N. PORUS.
Methodological Challenges to Psychology (Reflections on the Book). V.G. GOROKHOV.
Historical Epistemology of Science and Technique. E.N. MOTOVNIKOVA. National
Question: Experience of N.N. Strakhov's Social Hermeneutics. A.V. CHERNYAEV. Nikolai
Berdyayev. Reformer without Reformation. M.S. KISELEVA. Self and History in Philosophy
of Nikolai Berdyayev. Yu.V. SINEOKAYA. Whirlpool Anthropology of Nikolai Berdyayev.
T.G. SHCHEDRINA. Letters from Yuri Panibratsev to Nikolai Berdyayev. T.S. ZLOTNIKOVA,
T.I. EROKHINA, N.N. LETINA. L.P. KIYASHCHENKO. Russian Province in Philosophical
Discourse: Conceptualization of Metaphor. I.R. TANTLEVSKY. Optimism of Ecclesiastes.
A. KOVELMAN, U. GERSHOWITZ. The Poetics of Concealment: "Theaetetus" and
"Hagigah". T.P. LIFENTSEVA. Shadow of Christianity in Jean-Paul Sartre's Metaphysic.
LETTERS TO EDITORS. BOOK REVIEWS.